

Александр Сорокин

**КНИГА
ВОСЬМИСТИШИЙ**

**Москва
Академика
2020**

УДК 882
ББК 84(2Рос—Рус)6-5
С65

Александр Евгеньевич Сорокин (А.Е. Сорокин)

Книга восьмистиший

Издательство «Академика», 2020 год - 82 стр.

Александр Евгеньевич Сорокин родился в Москве 31 января 1954 года. Ныне живёт в Подмосковье в посёлке Усово-Тупик. Автор семи поэтических книг и книги избранных стихотворений «К земле небес». Один из участников антологии пяти поэтов «На границе тысячелетий. Страницы русской лирики (составитель и автор предисловия заведующий кафедрой новейшей русской литературы Литературного института им. А.М. Горького, профессор Владимир Павлович Смирнов). Также присутствует избранными стихами в учебном пособии университета МГИМО «Русские поэты. Избранные имена (1970 – 2010-е годы)», авторы Н.В. Кутукова, С.В. Попов. Член СП России. Преподаёт русский язык и культуру речи в университете МАИ.

ISBN 978-5-4225-0142-7

© Сорокин А.Е., 2020

ОТ АВТОРА

Думаю, стоит рассказать, как у меня возникла мысль составить эту книгу. Читая стихи современных поэтов, я заметил, что у многих из них, далеко не обделённых талантом, встречаются длинные, затянутые лирические пьесы. При чтении их ловишь себя на мысли: вот где очередное стихотворение заканчивается; однако нет, автор продолжает наматывать строку за строкой, и впечатление от прочитанного размывается, стройность нарушается, лишние детали не добавляют глубины содержанию. Попутно вспомнил, ещё Александр Блок в дневниковых записях отмечал, что лирическое стихотворение не должно быть больше пяти строф, иначе напряжение иссякает, и оно становится студенистым. Размышляя дальше, обнаружил, что короткие стихи наших прославленных поэтов, такие, как «Молитва» Языкова, «Молитва» Боратынского, «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...» Пушкина, «В минуту жизни трудную...» Лермонтова, «Слепой» Владислава Ходасевича и многие, многие другие, крепко засели в моей памяти и всплывают под настроение в нужное время. И задал себе вопрос: а сколько у меня наберётся коротких стихотворений, наверное, не меньше сорока? Внимательно проглядывая свои книги, с удивлением обнаружил,

что восьмистиший у меня семьдесят с гаком. А это уже целая книга. Составил я её не по датам написания стихотворений, во временной последовательности, а по иному принципу, сформулировать который не берусь, скажу только, очерёдность я определил по интуиции. Но вот что интересно: собранные вместе восьмистишия я воспринял по-новому, не так, как они воспринимались мной, когда были разбросаны по разным книгам.

Слагать короткие вещи, поверьте, даже сложнее, нежели длинные. В последних неточности не так видны. Эмоциональный напор, рифменное разнообразие, образное обилие сглаживают мелкие огрехи. А сжатость требует на малом объёме глубокого содержания и не терпит случайных слов.

Не буду судить, в какой мере удалась мне в этом плане мои собранные в книгу стихотворные опыты. И оставляю читателю право на суд.

ТРЕВОГА

Даны мне мирские печали
и славы запретной вино,
а Слово, что было в начале,
прочсть никому не дано.

О чём же тревожусь тогда я,
когда в неземной тишине
поэзии немощь святая
дороже спасения мне?

РАССВЕТНОЕ

Высокое небо стоит надо мной!
И, вторя рассветному чуду,
любовь, отдающая болью земной,
расставила сети повсюду.
И ель, что ночами скрипит за окном
с какой-то печалью нездешней,
никак не напьётся последним теплом
из первой проталинки вешней.

ВЕТЕР ПОТЕРЬ

Так жить достойней и горчей:
вдруг ощутив в себе и в каждом
кровосмешенье палачей
и убиенных ими граждан.

Достойней – именно теперь,
когда слетают с петель двери,
и ветер будущих потерь
взмывает прошлые потери.

Я ВИЖУ

Я вижу, в отчизне не скоро
наступит желанный покой,
мой голос не слышен из хора
рассудочной свары мирской;
но сердце, послушное зову
укромных ночных голосов,
не дремлет и учится слову
по-новому – с самых азов.

МОЛЮСЬ ЗА ВАС

Молюсь за вас, мои друзья-поэты!
У сильных мира, занятых тщетой,
на все вопросы найдены ответы,
а мы живём надеждой и бедой.

Всё хорошо, пока мы дышим с вами,
пока вершим свой бескорыстный труд:
печаль незнания украшать словами
и верить в то, что строки не умрут.

НЕ ИСЧЕЗАЙ

Неиссякаем тревожащий нас изнутри
всепроникающий и ускользящий свет.
Некогда Хлебников выдохнул: «О, озари!»...
«Не исчезай!» – через годы шепчу я в ответ.

Трудно сражаться с судьбою один на один
и воздвигать, не имея иного жилья,
мост над потоком несущихся бешено льдин,
дышащих ужасом мрака и небытия.

УХОД

**Избави Бог
жить только для этого мира...**

Л. Н. Толстой

Навек покидая любовью отравленный дом,
уставший от славы и тяжбу затеявший с Богом,
он знает, что сердце не может болеть о пустом
и печься о малом, томясь в одиночестве строгом.

И, глядя сквозь слёзы на жалкие прутья ракии,
на тихое небо, зовущее в пропасть иную,
быть может, одно про себя неотступно твердит:
«За что так любовно я жизнь эту к смерти ревную?..»

МОЙ ПУТЬ

Слова поверяя молчаньем, молчание – звуком,
с рождением и смертью живу я в родстве одиноком;
по заводям мысли, её неприметным излукам
ведёт меня сердце вослед за незнаемым роком.

И всё, что в сомнениях зреет, в раздумьях стораёт,
мой путь освещая таким удивительным светом,
по зёрнышку в строки скупые душа собирает,
как будто ей вечно назначено помнить об этом.

БЕЗ ЛЮБВИ

Что без любви набухший куст сирени –
всего лишь ветка меж других ветвей,
и по двору блуждающие тени
не оживит ходульный соловей.
И не уймёт сердечную простуду
случайной рифмы отзвук холостой...
Как без любви на этом свете буду
я говорить о радости простой?

МОЯ ПЕРВАЯ

Зачем, кому не знаю нáзло,
с упрямством, вовсе не благим,
и относясь не беспристрастно
к несостоявшимся другим,
как раковина моря шум –
в себе ту женщину ношу,
мою не лучшую, но первую.
И самую из всех неверную.

СТОЛЬКО ЛЕТ

Вся состряпанная из ссор
с примиреньями пополам,
меня взявшая на измор,
как своё: «Никому не дам!» –
не от прошлого ли огня,
в память падая, как в траву,
без тебя не прожив и дня –
столько лет без тебя живу?

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

1

Всё, приходящее извне,
моё – случайного не будет,
за сны никто нас не осудит –
вот отчего так пусто мне.

Не надо сны смотреть всерьёз,
где всё взаправду происходит,
пока душа в потёмках бродит,
как будто век ей не спалось.

2

Я невиданный в мире вор:
от тебя мастерю замок,
чтоб труднее было украсть
то, что я так хочу украсть,

то, что я так боюсь украсть,
потому что до этих пор
слишком часто ко мне на двор
забегала чужая страсть.

3

То, что не с нами случилось, некстати
вдруг повторяется в жизни иной.
Может, не я пожалел об утрате
давнего чувства, хранимого мной.

Может быть, вовсе не в этом столетье
мы родились, и не встретились там
лишь потому, что на нынешнем свете
свету тому я тебя не отдам.

БАЛОВЕНЬ СУДЬБЫ

**И на строгий Твой рай
Силы сердцу подай.**
Евгений Баратынский

Как тяжело быть баловнем судьбы.
Ведь если ты перстом её отмечен,
с тебя в итоге спросится, увы,
не по обычным меркам человечим.

Не верю я, что рок несправедлив, –
еще не поздно убедиться в этом,
но верю в жизни медленный отлив
и в строгий рай, завещанный поэтом.

ОН НАПИСАЛ

Он написал: «Мой дар убог...» –
не бурям жизни бросив вызов,
но ясно ощутив итог
её мечтаний и капризов.
И то, что зреет в тишине
для новых мук и жизни новой,
от грубой славы в стороне,
воспел он с нежностью суровой.

ТЮТЧЕВСКАЯ ОСЕНЬ

Пускай земное небо в тучах,
а ясных дней – наперечёт,
лишь о любви вздыхает Тютчев,
она одна его влечёт
и золотит его седины
закатной нежностью, и вновь
не знает сердце середины
и смертью платит за любовь!

ОСЕННЯЯ НОЧЬ

А. П. Межирову

1

В тишине густой и ровной, как стоячая вода,
ничего уже, казалось, не случится никогда.

Даже если смерть наступит – всё останется как есть:
так же будут капли с веток падать, стучаясь о жесть,

так же будет ближних сосен виден освещённый ряд,
так же неустанно к звёздам будет устремляться взгляд.

Но никто в лучах и славе не пошлёт благую весть! –
ибо на земле отныне всё останется как есть.

Лёгкий шорох падающих листьев.
Над сосною полная луна.
Отчего так свет её неистов,
для кого старается она?

Или всем готова без разбору
раздарить холодные лучи:
и юнцу влюбленному, и вору,
и вот этой кошке у забора,
и псалмы поющему в ночи.

ЗАБРОШЕННАЯ ЦЕРКОВЬ

Андрею Алексееву

Леса, поля, заброшенная церковь,
и я один среди её развалин,
и день, почти до сумерек померкнув,
из той же вечной осыпи изваян.

Как никому не ведомое чудо –
колокола поют без колоколен!
И жизнь вокруг не кончится, покуда
вселенский дух тоскою этой болен.

МОЯ РОССИЯ

Чую силу стоять за Россию.
Ведь Россия не строй, и не власть,
и не лозунг огульный: «Спаси её!»,
и не суши великая часть.

Это пушкинское совершенство,
это Блока святые слова,
это путь от тюрьмы до блаженства,
в темноте различимый едва.

БЛАГОДАРЕНИЕ

Поля Подмосковья не солнечный Крым.
Мы склонны к иному везенью:
спасибо Тебе, что снегами укрыл
Ты нашу продрогшую землю.
И в белые ризы деревья одел...
Пусть сердцем к Тебе не добрёл я,
спасибо вдвойне за подаренный день –
лучистый осколок безмолвья...

МИЛОЙ ГОРОЖАНКЕ

Сад под окном – мой Пушкинский музей,
сосновый бор – Кремлёвские палаты,
и воздвигает неба Колизей
мне над рекой нетленные закаты.

Я не лукавлю, милая, поверь:
что для других обычная природа,
то для меня таинственная дверь
со светозарным сторожем у входа.

БЕЛЫЕ ВОРОНЫ

Ни к какой мы не прибились стае,
две вороны белые. И вот,
погляди-ка, всё равно летаем,
и не важно кто кого ведёт,
что о нас судить другие станут...
Разглядев в глазах твоих весну,
может, я впервые не обманут,
может, в первый раз не обману!

СТАРЕЦ АМВРОСИЙ

И шли к нему Толстой и Достоевский,
Леонтьев шёл из тьмы, и тьмы других...
На воздыханья и на ропот дерзкий
он оставался благостен и тих.
Не придавал учёности значенья,
всех окружал смиренной добротой.
В небесной жажде самоотреченья
одна любовь была его звездой.

РЕКА В ДЕТСТВО

Неугомонная Жиздра-река
у монастырского тихого взгорья
так же игрива, резва, глубока:
взору – веселье, и вере – раздолье!

Я не язычник, но радость полней
здесь от такого мирского соседства:
точно в воде, отражается в ней
неискушённая искренность детства.

У СКИТА

Дремучий скит среди столетних сосен
врачует душу, как и век назад.
Когда апостол старчества Амвросий
на небеса был милосердно взят,
его любви лампада не погасла,
она горит у этих скромных врат. —
Мы подаём послушнику на масло:
храни Господь тебя, пустынный брат.

ПОСЛУШАЙ

Послушай, вот дождь зарядил по уставу
осеннего времени, мелкий и частый,
а лес прошумел, что и дождик – на славу,
и ветру холодному выдохнул: «Здравствуй!»

И как бы над нами ни хмурилось небо,
похоже, природа и этому рада:
как будто бы нищему подали хлеба,
а нищему хлеба сегодня не надо.

НЕ В НАШИХ РУКАХ

Твои губы послушны, ладонь горяча,
ты из тех – от кого я бегу,
но попутную нежность с чужого плеча,
не приняв – оттолкнуть не могу.

Ни походки твоей, ни отзывчивых рук
мне не спутать, забыв впопыхах
даже имени прежде мучительный звук...
Остальное – не в наших руках.

В ДУНОВЕНЬЕ ОСЕНИ

В дуновенье осени незримой,
в смуте чувств, в дыхании судьбы
ощутил я звук, соизмеримый
с возгласом угрозы и мольбы.

Только мне пока ответить нечем,
хоть Господь меня не обделил
языком почти что человеческим
и почти небесным жаром крыл.

ГОРОДСКОЙ САД

Должно быть, полнясь слухами о ветре
и к городской прислушиваясь речи,
так неподдельно начинали ветви
исподтишка вздыхать по-человечьи
и принимать изгибы рук и тела,
быть может, тех, кому до них нет дела;
и был в тени похож на дно морское
притихший сад, не знающий покоя.

НА ВОСХОДЕ

Только солнце взошло, разгоня туман,
как на гребне далёкой горы
я заметил с высот нисходящее к нам
отраженье небесной игры.

То ли облако таяло, дымно клубясь,
то ли ширился снежный обвал, –
словно духа и плоти незримую связь
кто-то, смертному мне, открывал.

БЛАГОТВОРНЫЙ ДАР

Троицы Святой воитель,
врачеватель скорбных ран,
не в скиту твоя обитель,
Златоустый Иоанн.

Дивный свет иной науки
был тебе от Бога дан:
простираь не к небу руки,
а к сердцам простых мирян.

БЕЛОМОРСКАЯ ТВЕРДЫНЯ

В благочестии старинном, отцепеданном,
как бы дни раскола ни были горьки,
и в мирских делах нам стойкость заповедала
Беломорская твердыня – Соловки.

Всё вместила: дух бунтарский и смирение,
славу каторжную – всё ей нипочём!
Устоит она до светопреставления,
подпирая небеса молитв плечом.

АМФОРА

С греческой амфорой кто-то сравнил тебя точно и смело.
Тонкую эту работу – душу живую и тело –
мастер исполнил на совесть, мастер, неведомый миру.
О совершенстве заботясь, в амфору встроил он лиру.

Тихо ты тронула струны, вызвав дельфийское пламя,
и с увлечением юным я превратился в желанье.

Что мне пространство и время!

Смертным собратьям на зависть
мастера славию творенье, амфоры жадно касаюсь!

ПОПУТНОЕ

Не расставаний я боюсь,
ведь привыкают и к потерям,
когда их вынужденный груз
живыми поровну поделен.

Но удивительно, как нас
не унижает мысль при этом,
что никого никто не спас,
пока никто никем не предан...

ОТЧАЯНИЕ

И любить не могу я, и знать не хочу
ваших нужд и надежд, ну какое мне дело,
что любая работа ему по плечу –
человеку – невольнику брэнного тела.

Лишь на миг он приходит, в безверье зачат,
и уходит, кончиной живых потревожа.
Но живых ли? – об этом надменно молчат
и природа, и разум, и смертное ложе.

НАДЕЖДА

Ты откуда пришёл и куда ты уйдёшь?
Но в оставленном здешнем краю
старый клён у окна сохранит твою дрожь
и запомнит походку твою.
Ты умолкнешь, неведомым сном унесён,
но строка твоя будет звенеть
в вихрях снежных и в ливнях весенних – во всём,
не вмещающем скуку и смерть.

ПРИЗНАНИЕ

Мой город на семи заплаканных холмах
был тих и златоглав, стал мрачен и двулик,
и мне ли воспевать его слепой размах,
законность грабежа и важность умных книг?
Но ревностью своей я у него в долгу
за то, что, осмелев, держусь особняком –
и неподдельных чувств, просящихся в строку,
не смог бы испытать в отечестве другом.

К НЕВЕДОМОЙ СВОБОДЕ

Стремясь к неведомой свободе,
к цветам обещанной весны,
как всё живое, дань природе
мы смертью оплатить должны.

Я с давних пор живу, об этом
не забывая ни на миг,
иначе не был бы поэтом
и власти звука не постиг.

ОПЯТЬ ПОТЕМНЕЛО

... Немного у жизни лукавой
И всё у ночной тишины.

Анна Ахматова

Музыки властной прилив и отлив
жду с нетерпеньем, но близок рассвет.
Ночь молчалива, да день говорлив,
так говорлив – просто удержу нет!

И потемнело опять на душе
от неотвязной людской болтовни.
Даже себя я не слышу уже,
что же способны расслышать они?

ИНДИЯ

Эдуарду Балашову

Как открывал я Индию свою? –
она с Россией до улыбки схожа:
две хаты с краю, но не на краю,
а во главе людского бездорожья.

Недаром мы доступны всем ветрам,
и в суете смиренье не забыто,
да и в веках не разминутся нам –
язык любви понятнее санскрита.

СТРОКА ЗАВЕТНАЯ

Времена тяжёлые
были, не прошли.
Споры нерешённые
и моей земли
кроткую, рассветную,
строгую красу,
как строку заветную,
я в себе несущу.

ФАНТАЗИЯ

Вечерняя трава нас облекла в росу,
мы потонули в ней без мыслей и без цели...
Когда устанешь ты, тебя я понесу,
и, проводив закат, на травяной постели
возляжем у костра, и кочевой уют
затеплится в ночи магометанским раем,
где гурии в огне танцуют и поют, –
и мы в той купине горим и не сгораем.

БЛИЗОСТЬ

Нам в объятьях не до сна,
в нас единствует весна.
Бурное соитие –
словно вод разлитие.

Не до сна в объятьях нам!
Нас к иным уносит снам –
снам, цветущим въяве
в неземной оправе.

СЕБЯ НЕ ЗНАЯ

Мы живём, себя не зная
и куда наш путь лежит,
но сознания ткань сквозная
в каждом атоме дрожит.

И уводит нас незримо
вековечная стезя
от затей беспутных Рима
в даль, где прежним быть нельзя.

В ТОЙ ГЛУБИНЕ

Сном очевидности разъято,
сознание мечется во сне,
но свет, утраченный когда-то,
не иссякает в глубине, –
в той глубине, что неделима
на боль и радость, быль и бред,
на общность проходящих мимо
и тех, кого меж нами нет.

КАК Я МОГУ

Как я могу от жизни отвернуться,
в её дарах извериться, когда
такие песни на земле поются!
такие души призваны сюда!
Когда ещё не кончены страницы
юдоли смертной и страды земной,
и новый день, как солнце сквозь ресницы,
тревожит мир безбрежной новизной.

ПРОЩАНИЕ

Не знаю, подашься куда ты,
когда загрущу я всерьёз.
Не август ли, наш провожатый,
в раздумья сумятицу внес?

Ты видишь – и солнце, робея,
к зиме экономит лучи.
Не знаю, кто нынче тебе я,
но если ты знаешь – молчи.

ПРОГУЛКА

Я в лес иду не оттого ли,
что больше некуда идти?
Хотя и здесь – на вольной воле –
никак не выберу пути.

В лучах холодного заката
кому несу я боль свою,
как дом оставивший когда-то,
так и не принятый в семью?

ГОРА

От солнца ослепительного ёжась,
в облезлой бурке снега на плечах
она напоминает осторожность
того, кто в одиночестве зачах.

А я, ногой соскальзывая в пропасть,
её за то, наверно, полюбил,
что сам напоминаю одинокость
того, кто осторожность позабыл.

ВОСПОМИНАНИЕ

Возвращусь ли я в тот тихий уголок,
к той избушке у деревни на краю,
где, вдали от станций шумных и дорог,
забывал я неустроенность мою.
Где на воле согревал меня мороз,
и, петляя по заснеженным полям,
уму-разуму учился я у звёзд,
не последний и не первый из землян.

НОЧНОЕ НЕБО

Глаза поднимешь к небу – и в морозной,
необозримой, многозвёздной мгле
утонет мысль, и язык твой косный
забудет всё, что славил на земле.

Поет в висках иной отчизны ветер,
а ты, придавлен тяжестью земной,
стоишь, как камень, твёрд и безответен,
перед безмерной этой глубиной.

НЕ СКРЫВАЯ РАДОСТИ

Не только мысль избрав себе опорой,
но слыша сердца убеждённый стук,
и не скрывая радости, с которой
в груди созвучья оживают вдруг, –
я всем цепям и козням жизни этой
не выношу поспешный приговор,
мирясь с судьбой, как с песней недопетой
и оттого желанной до сих пор.

ЧЕРЁМУХОВЫЙ КУСТ

С. Ч.

Распустись, черёмуховый куст,
мы уходим поздно или рано,
но сейчас твоих коснуться уст
приглашает светлая поляна.

Постоим на солнечном ветру,
поглядим в ласкающую бездну,
ты умрёшь – и я с тобой умру,
зацветёшь – и я с тобой воскресну.

ПОД КРЫЛОМ ВОДОЛЕЯ

Или я так неловко взрослею,
или ты не стареешь, но мы
под незримым крылом Водолея
не грустим в ожиданье зимы.

И, как листья, о воле не тужим,
и, летать не умея, кружим:
по судьбе, по аллеям, по лужам,
по углам и по душам чужим.

ДВЕРИ МОЛЧАНИЯ

Через тихие двери молчания
мы с тобой, моё сердце, войдём
в дом, где труд наш – не повесть печальная
человека, что к смерти рождён.

Где по воле благого Учителя
мы себя забываем на миг,
и скудельный наш дар незначительный
превращается в вещий язык.

БЕЗ НАЗВАНИЯ

Сорван с древа жизни нашей
ветром осени иной
день прошедший – лист опавший,
не пропахший новизной.

Всё же был зачем-то нужен,
если помню я о нём,
шлёпая по старым лужам
на свиданье с новым днём.

НЕ ЧУВСТВУЯ ОПОРЫ

Держась на гребне мутного потока,
обожествляя жизни суету,
в какой-то миг от тайного упрёка
мы замираем в страхе на ходу.

Нет, мы не слышим ангельские хоры,
но замечаем, может, лишь сейчас,
как под собой не чувствуя опоры,
всё чаще небо падает на нас.

ЗАМЕТКА НА ПОЛЯХ

О чём пеклась Мария
у ног Его,
в слезах
за что благодарила,
ни слова не сказав?
А Марфа деловито –
святая простота! –
приваживала бытом
безбытного Христа...

РУССКАЯ МЕЧТА

Когда, усталый, выйдешь в поле
и ощутишь покой и волю, –
поймёшь, что вовсе неспроста
смиренье – русская мечта.

Туман над чёрной бороздой
плывёт, как странник поднебесья...
Но разве сам такой не весь я:
и этой жизни сын, и той?

ПОД ЗВЁЗДАМИ

Когда людские одолеют козни
и тошно верить собственным глазам,
бросаю всё и выхожу под звёзды
слагать псалмы безмолвным небесам.

Они молчат, но им мой голос нужен,
как слову – звук, раскаянью – слеза...
По мере сил мы тверди горней служим,
и нам опорой служат небеса.

НЕПРЕДСКАЗУЕМЫЙ ЯНВАРЬ

Как пахнет снег, забыли мы,
дождит с утра и допоздна,
и без зимы среди зимы
травы, как в мае, зелена.

А вот пойдешь на нас войной –
прямым ответом на вопрос,
глядишь, ударит запасной,
сорокаградусный мороз.

ОСТРОВ КРЫМ

Не поднимая муть со дна,
послушна Корсуня святыне,
о берег славы бьёт волна –
могильщица слепой гордыни.

Что Крым для нас? – вопрос простой
вмещает тьму ответов разных.
Да мы без Крыма – как Толстой
без «Севастопольских рассказов»!

УСОБИЦА

Мира внешняя усобица
зарождается в умах,
в естестве людском, и копится,
умножая тьму и страх.

Никуда она не денется,
что о том ни говори,
если каждый не изменится,
хоть на йоту, изнутри.

К АНГЕЛУ-ХРАНИТЕЛЮ

Мой ангел-хранитель, апостол добра,
над искренним словом склоняясь под вечер,
я верю, что солнце увижу с утра.
Да, верю. А больше похвастаться нечем.

А как замолчу – ты меня не оставь
и Богу представь мои скромные оды.
Коль здесь не прославлен – прости и прославь
в садах неизбежной и страшной свободы.

СЛОВО

Слово – в начале оно
было. И будет. Скажи,
Богу не всё ли равно,
сколько перстов ты сложил?

Слышит Он искренний стон
в непросветлённой тиши.
Над непечатым листом
Слово – молитва души.

ЗАПРЕТ

Не давал я обет молчания
и не брал своих слов назад,
не забвение и не отчаяние
языку немотой грозят.
Не усталость, не сытость праздная
смотрят в белую гладь листа.
Слово – Бог, и однажды сказанное
замыкает мои уста.

СМОГУ ЛИ...

Когда останусь я один
и будет некому помочь,
скопление каких картин
подбросит мне злодейка ночь?

Смогу ли вынести тогда
всю тяжесть, весь позор срамной,
пусть и не Божьего суда,
а только совести больной...

НА ИСХОДЕ

По долинам и по взгорьям...

Из песни

Повинуясь оставшимся зорям,
с неприкаянной верой в груди
по долинам страстей и по взгорьям
надо путь свой достойно пройти.

И понять, дотянув до заката,
на исходе последней строки:
за стихи не бывает расплаты,
потому что расплата – стихи.

ПОДРУГИ

Что мне сказать о радости и грусти? –
они подруги на тропе земной.
Одна из них нахлынет – и отпустит,
и тут другая набежит волной.

Они, свои наплывы чередуя,
приходят не по прихоти моей.
И разговор с обеими веду я.
Но радость всё же ближе и родней.

ТАК ЖИВУ

Живу один в своём доме,
вольготно мне под скромным кровом,
и жизнь другую не приму,
где каждый будет оцифрован.

И светит мне в моей стране,
в краю родном – родное солнце.
И нет числа моей родне
там, где природы сердце бьётся.

НЕ ЗАМЕТИМ

Вдоль жизни, по солнцу, вдоль крайнего края
идём мы с тобой, умереть забывая.

По солнцу, по звёздам, под небом высоким
ведёт нас судьба с попечением зорким.

Идём, на земные богатства не зарясь.
В пути не помеха ни зависть, ни старость.

И будет закат наш жесток или светел,
очнёмся – не вспомним. Умрём – не заметим.

ГЛАЗАМИ СЕРДЦА

Бывают дни, свободные, как вздох
морской волны в закатный час прибоя.
В такие дни я всех любить готов
и отвожу сомнение любое.
На всё вокруг в такие дни гляжу
глазами сердца, не горжусь, не спорю,
как будто краем неба прохожу,
в житейское не окунаясь море.

ОСТАЛОСЬ ПОМОЛИТЬСЯ

Судьбы безвестная страница
исповедальной ждёт строки.
Осталось только помолиться,
чтоб слёзы не были горьки,
чтоб чашу радости достойно
я смог и в горестях нести,
и совесть не спала спокойно,
пока невежество в чести.

ВОЛЕЙ ТВОРЦА

Всякое творчество – это забота о благе.
Значит, оно задушевно и богоугодно.
Слов ли созвездие ты доверяешь бумаге,
хлеб ли растишь, или кистью владеешь свободно,
или дитя на прямую выводишь дорогу, –
не перечислить всего, что свершаешь по праву
волей Творца, приближаясь к Нему понемногу,
кровью своей добывая небесную славу.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора.....	3
Тревога.....	5
Рассветное.....	6
Ветер потерь.....	7
Я вижу.....	8
Молось за вас.....	9
Не исчезай.....	10
Уход.....	11
Мой путь.....	12
Без любви.....	13
Моя первая.....	14
Столько лет.....	15
Три стихотворения.....	16
Баловень судьбы.....	18
Он написал.....	19
Тютчевская осень.....	20
Осенняя ночь (диптих).....	21
Заброшенная церковь.....	23
Моя Россия.....	24
Благодарение.....	25
Милой горожанке.....	26
Белые вороны.....	27
Старец Амвросий.....	28
Река в детство.....	29
У скита.....	30
Послушай.....	31
Не в наших руках.....	32
В дуновенье осени.....	33
Городской сад.....	34
На восходе.....	35
Благотворный дар.....	36
Беломорская твердыня.....	37
Амфора.....	38
Попутное.....	39
Отчаяние.....	40
Надежда.....	41

Признание.....	42
К неведомой свободе.....	43
Опять потемнело.....	44
Индия.....	45
Строка заветная.....	46
Фантазия.....	47
Близость.....	48
Себя не зная.....	49
В той глубине.....	50
Как я могу.....	51
Прощание.....	52
Прогулка.....	53
Гора.....	54
Воспоминание.....	55
Ночное небо.....	56
Не скрывая радости.....	57
Черёмуховый куст.....	58
Под крылом Водолея.....	59
Двери молчания.....	60
Без названия.....	61
Не чувствуя опоры.....	62
Заметка на полях.....	63
Русская мечта.....	64
Под звёздами.....	65
Непредсказуемый январь.....	66
Остров Крым.....	67
Усобица.....	68
К ангелу-хранителю.....	69
Слово.....	70
Запрет.....	71
Смогу ли.....	72
На исходе.....	73
Подруги.....	74
Так живу.....	75
Не заметим.....	76
Глазами сердца.....	77
Осталось помолиться.....	78
Волей Творца.....	79

Александр Евгеньевич Сорокин

КНИГА ВОСЬМИСТИШИЙ

Сдано в набор 25.08.2020. Подписано в печать 26.08.2020.

Формат 60х90/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Times».

Печать офсетная. 13 уч. изд. л. Тираж 999 экз.

ООО «Научно-издательский центр «Академика»

127254 Москва, ул. Гончарова, д. 15

Отпечатано в ООО «ТР-принт»

www.tirazhi.ru